

Соло для бандонеона в ритме танго

“Кремлин” открыл свой сезон

Миша Рахлевский (для тех, кто не знает: довольно известный скрипач и дирижер, руководитель камерного оркестра “Кремлин”) представил на сцене БЗК вивальдиевско-пьяццоловскую программу. Итальянское барокко и аргентинское “tango nuevo” — весьма странный союз музыкальных стилей, не правда ли? Хотя причина их сосуществования в одном концерте вполне обоснованна — и Вивальди, и Пьяццоло, каждый в свое время создали по циклу “Времена года”, эти циклы и предложил вниманию публики г-н Рахлевский. Параллель неизбитая, несмотря на то, что “сезонные” концерты Вивальди, мягко говоря, не играет только ленивый. А раз так, то ко всякому исполнению этого нетленного опуса придираюсь больше, чем к любому другому. Не возносясь в заоблачные дали (в данном случае — оставив открытым вопрос о стиле — аутентичный — неаутентичный, технике солиста — оркестра, сыгранности внутри коллектива и с солистом-дирижером, и т.д., и т.п.) отметим просто и прямолинейно: было ну очень фальшиво! Ограничившись этим, на наш взгляд, исчерпывающим суть дела замечанием, перейдем к пьяццоловскому разделу программы.

Новое танго Астора Пьяццолы, в котором ассимилировались самые различные музыкальные направления, вплоть до джаза и академических направлений XX столе-

тия, стало одним из самых заметных явлений в искусстве последней трети нашего века. Душа этой горячей музыки — бандонеон, инструмент с удивительным тембром и богатыми динамическими возможностями, внешне довольно сильно напоминает русскую гармонию, но звук его в отличие от нашей разудалой “землячки” непередаваемо благороден. И, конечно, игра такого мастера, как Нестор Маркони, завораживает с первых нот. Слава аргентинского маэстро давно облетела мир, а вот до России он добрался впервые. И кому, как не ему, выступавшему с самим Пьяццолой, знать, как должна звучать эта музыка. Маркони сразу нащупывает нерв танго — чуть агрессивного, неимоверно страстного, поющего порой о чем-то безысходном. Любопытно (хотя, наверное, это вполне закономерное явление), что оркестр, вступив в диалог с Маркони, преобразился, заиграл совсем иначе, в тон мастеру (хотя уже и пьяццоловские “Времена года” в Буэнос-Айресе) он — для себя — преподнес неплохо). Для публики, конечно, свидание с Нестором Маркони было слишком уж кратковременным (он сыграл Концерт для бандонеона с оркестром). Впрочем, щедрый аргентинский гость подарил под занавес бис — грустную и необычайно проникновенную пьесу, которую Пьяццоло посвятил памяти своего отца.

Анна ВЕТХОВА

Культура. — 1999. — 30 сент. —
6 окт. — с. 10